

Мск. комсомолец. - 1995. - 14 нояб. - с. 4.

Любите ли вы театр? Лично я — всеми силами души моей. То есть настолько, чтобы самой в театре не играть никогда (слишком он мне дорог). Минимум — на спектакли ходить. Максимум — о театре писать.

Сию, плачу (от восторга) и пишу о приеме в молодежный театр-студию Виктора Перетоккина. После первых двух часов становится жалко, что поступающие не любят театр так же страстно, как я. Восьмой раз повторяется басня "Волк и ягненок". Вздыхаем.

— Устал я, — говорит Виктор Данилович. — Вдохновения нет.

Врет все. Нагла. Не было бы вдохновения, ничего бы этого не было. А именно: театра-студии на Большой Полянке, 33.

Театр уже большой, вам ровесник — ему семнадцать. И вот уже семнадцатый год принимаются все новые и новые актеры. Если бы я не видела спектакля, ни за что бы не подумала, что вот эти мучающие текст люди способны играть на сцене. Если б не пришла на прослушивание, никогда бы не подумала, что в театр приходят все новые и новые жаждущие сцены. Так странно: идти в театр-студию, где и не платят ни копейки. Сколько других развлечений!

А народ все тает. К большому искусству и Перетоккину. Зачем они сюда ходят и кто их здесь ждет?

— Как зачем приходят? — удивляется Перетоккин (искренне). — На меня посмотреть!

Господи! Было б на что смотреть! Росточку невысокого, вот-вот лысина пробиваться начнет. К тому же и говорить с ним невозможно: профессиональный актер, множественный лауреат и того, и этого, и всякого, он делает логические паузы и ударения, и слушаешь, как он говорит, а не что.

Ну и правильно. Лучше и не слушать. Как пойдут клочки по закоулочкам, мама не узнает.

— Девушка, мне неприятно вам это говорить, но у вас такой прокурорский голос...

Всем прибывшим хочется быстро стать удалившимися. Перетоккинская свита хохочет. В общем, он прав. Курить данной девушке действительно нужно меньше. Но такие случаи — редкость. Из театра за бесталанность никого не гонят. Талант, как все знают, есть в каждом. Но иногда глубоко. А иногда очень глубоко. И Перетоккин, как кладовщик, его отлавливает.

Процесс отлавливания начинается с заявления: "Вы все сюда приходите такие самоуверенные!" Слово "самоуверенные" растягивается в монолог на тему. Сидим с открытыми ртами и слушаем. Нас много, и постепенно мы сливаемся в однородную массу, жаждущую работать в этом театре с этим человеком. Масса состоит из тех, кто уже да, и тех, кто еще нет, но уже почти да. Здесь, конечно, не всегда все легко. Но если человек просит, чтобы ему помогли, помогут обязательно. В случае крайней необходимости поселят на диванчике в кабинете худрука. И морали читать не будут. Разве что Перетоккин. Но у него не мораль, а зевесовы громовые раскаты:

— У меня была пианистка с красным дипломом. Я ее посадил за рояль, а она ноты путает. Так я ее выгнал. Выгнал!

С позором, надо думать. По крайней мере, шуму-то точно было много.

А еще это единственный в Москве театр-студия, спектакли в котором ставятся в реалистичной манере. А все остальные стили Перетоккин не признает. Полнонция абсурда, а начинала кипититься. Но под напором Перетоккина сникаешь. Что называется — не влезай, убьет.

— Поэтому и "МК" о нас никогда не напишет! Все газеты писали, а "МК" — никогда! И не напишет! А мы — театр!

И тут же:

— А вы мне приглянулись. Уж не знаю, чем. Поэтому и интервью вам даю. А то устал, устал.

Пишем, Виктор Данилович. Исправляем сложившееся неправильное впечатление. Своей изначальной обязанности театр, как супруги после золотой свадьбы, не исполняет. Театр был создан как противовес подвалам и притонам для "трудных" подростков. Дети из комнат милиции принимались вне конкурса. Прием, в общем, не новый — вспомните "Республику ШКИД". С ролью красного уголка при детской комнате милиции театр не справился. Зато стал театром. А какой же театр без тусовки?

Самое большое заблуждение лиц, не причаст-

мин эйджер

КУРИЛА ЛИ ТЫ НА НОЧЬ, ДЕЗДЕМОНА?

НУ ТЫ АРТИСТ!..

Фото Александра ИЗЮТОВА.

ных к актерскому делу, есть домисел, что актеры — люди необыкновенные. Это неправда. И прямое тому подтверждение — студийцы Полянки. Они и впрямь актеры, многие потом поступают в театральные вузы. А начинается все с жажды общения.

Человеку, как ни крути, нужно общаться. Хотя бы с отражением в зеркале. Лучше, если зеркал будет много, а отражения — чужими. Даже у Робинзона был Пятница. И не случайно именно Пятница, а не какой-нибудь другой людоед. В нем, как следует из дальнейшей его судьбы, подозрительно жила тяга к цивилизации. Робинзону он был близок по духу, несмотря на некоторые мелкие отличия (язык, меню из человечины, манера одеваться). Вот так и нам всем нужно общение с себе подобными.

Вот вам портрет похожего на студийца человека. Девушка: волосы чаще длинные. Общение свободное. Одежда значения не имеет. Поет. Как правило, нежная. Парень: волосы длинные, чаще длиннее, чем у девушки. Джинсы. Играет на гитаре. Поет. Романтик — в частности, близко знаком с романтикой ночевки на вокзале, крыше, в подвале. Оба пола курят и со-

рятся с родителями.

Иногда мне кажется, что я о себе пишу. Самому себя узнаете?

Если продолжать делить подростков на "трудных" и "легких", то все они тут по-прежнему "трудные". Так как ищут способ самовыражения и часто бродят в его поисках самыми окольными тропками. В родной семье возможность выразить себя иногда не встречается. Не новость: западные психологи после ряда экспериментов установили, что лучше всего уживались муж и жена, обменявшиеся полчасика в сутки. Редкая школа выполняет функции второго дома, да и мы редко посещаем школу. И вот из мрака отчаяния выплывает светлый путь — в театр, к Перетоккину.

Для студийцев их театр — модель мира, способ существования, стиль жизни. Разумеется, они играют. Но вполне

серьезно. Любовь неизбежна так же, как расставание. Один из самых примечательных эпизодов: они поссорились, и девушка ударила возлюбленного по лицу, да так неудачно, что расщепала обе щеки. Хорошо, что в театре пока не ставили ни "Отелло", ни "Кармен"...

Для студийцев театр волей-неволей становится самым главным. Они проводят в нем столько времени, сколько позволяет Перетоккин. То есть — практически круглосуточно. В жизни не видела таких преданных людей. Театру — это понятно, творчество как никак, да еще в близком контакте с родственными по духу. Но Перетоккину? Зануда редкостный. Как в школе, курить бегают на улице, подальше от директоров (черт, с перетоккинских глаз. Просто тусоваться — ну, душа так лежит, — невозможно. Перетоккин кричит долгие, чем успеваешь расслабиться. "Театр — это прежде всего общение!"

Опять врет. У него это прежде всего работа. Как ни прозаично.

Тина БОЛОТНАЯ.